

Посвящается Марте, Лауре и Марко

Список иллюстраций

Карты

1. Карта Монгольской империи
2. Карта Государства Хулагуидов, 1260–1335 гг.

Рисунки

- 1.1. Предки Чингисхана (часть 1)
- 1.2. Предки Чингисхана (часть 2)
- 2.1. Великие ханы и императрицы Монгольской империи
- 2.2. Хатуны дома Чагатай
- 3.1. Ильханы и хатуны Ирана
- 3.2. Ранние ойраты и их связь с семьей чингизидов
- 4.1. Кераиты и их связь с семьей чингизидов
- 4.2. Передача хатунских орд в ильханидском Иране

Иллюстрации

1. Портрет Алан Коа в рукописи XIX века «Му'изз аль-ансаб».
2. Монгольская придворная сцена
3. Рождение монгольского принца
4. Жена отравляет Ардашира (из «Великой Монгольской Шахнаме»)
5. Монгольские мужчины и женщины в орде
6. Портрет хана и хатуны
7. Подготовка к монгольскому празднику
8. Два монгола читают Коран

Благодарности

Эта книга никогда не увидела бы свет в печатном виде, если бы не профессор Чарльз Мелвилл, научный руководитель моей докторской диссертации в Кембриджском университете с 2007 по 2011 год. Я благодарю его за поддержку на протяжении всех этих лет, за терпеливое чтение моей работы по мере ее написания, за благосклонное отношение к этому моему проекту и постоянную помощь в научном плане. Его знания и наставления принесли мне огромную пользу. Работать с ним — огромное удовольствие. За его доверие, помощь и поддержку я всегда буду благодарен.

Я также хотел бы поблагодарить доктора Терезу Виньолес и доктора Джорджа Лейна, которые на ранних этапах вдохновляли и поощряли мой интерес к истории женщин в Средневековье в целом и в Монгольской империи в частности. Кроме того, я хотел бы поблагодарить госпожу Наргес Фарзад и доктора Кристину ван Руймбеке за их содействие в овладении персидским языком, столь важным в проведении настоящего исследования.

Хотя бóльшая часть включенных в эту книгу материалов основана на моей докторской диссертации, после моего отъезда из Кембриджа, в моем научном развитии сыграли ключевую роль и другие коллеги. Хочу поблагодарить г-жу Урсулу Симс-Уильямс и доктора Эндрю Пикока за то, что они доверили мне работать с ними в постдокторантуре. На протяжении последних лет они были очень важны для меня и делились со мной знаниями, советами и своей поддержкой. Также хотелось бы поблагодарить Сару Нур Йылдыз и Зейнеп Окай, помогавших мне, когда позднее я занялся историей средневековой Анатолии. Я также благодарен профессору Дэвиду Моргану, доктору Дэвиду Сниту, профессору Питеру Джексону, доктору Джудит Пфайффер, профессору Дениз Айгл, профессорам Карин Рюрданц и Ионатану Браку за их комментарии и предложения на разных этапах работы над этой книгой. Я также выражаю глубокую признательность профессо-

ру Энн Бродбридж, которая внесла ряд ключевых замечаний в окончательный вариант рукописи. Книга эта также является плодом содействия Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, особенно благодаря договоренностям, достигнутым доктором Эвримом Бинбаш, который любезно предложил мне представить мою рукопись в Общество и в Издательство Эдинбургского университета.

Наряду с профессиональной научной поддержкой, полученной мной от вышеупомянутых коллег, этот проект был бы невозможен без помощи друзей, которые не оставляли меня в процессе работы. Николас Барбьери на протяжении многих лет неизменно эмоционально подбадривал меня, тем самым доказывая, что дружба не зависит от географических расстояний. Я также признателен моим кембриджским друзьям, благодаря которым мое пребывание в Кембриджском университете стало уникальным опытом: это Йонатан Мендель, Манар Махул, Праджакти Калра, Сиддарт «Монтгу» Саксен, Элла Йедаёя, Джеймс Уивер, Игнасио Санчес, Саймон Ридли, Пилар и Ана Лакуна Гран, Эдуардо Борт, Сэм Джонс и Рональд Клингсбиль (а также многие другие); все они сыграли решающую роль в воплощении этого исследования в жизнь.

Я хотел бы поблагодарить Ислу Россер-Оуэн за проверку предварительного варианта книги, а также сотрудников факультета азиатских и средневозочных исследований (Кембриджский университет), Пембрук-колледжа и Британского института персидских исследований (BIPS) за постоянную помощь в прохождении сложных административных препятствий на пути получения научной степени. Я благодарен Ульфатбеку Абдурашулову за предложения по улучшению перевода, а также Институту иранских исследований (Австрийская академия наук) и учредителям проекта Nomads' Manuscripts Landscape.

И наконец, что немаловажно: я благодарен членам моей семьи за то, что они всегда были рядом со мной на протяжении всех лет, когда я старался осуществить свою мечту и превратить страсть к истории в профессию. Но, прежде всего, эта работа была бы невозможна без неустанной поддержки и неизменной любви моей супруги Марты Домингес Диас и двух наших детей, Лауры и Марко. Именно им и посвящается эта книга.

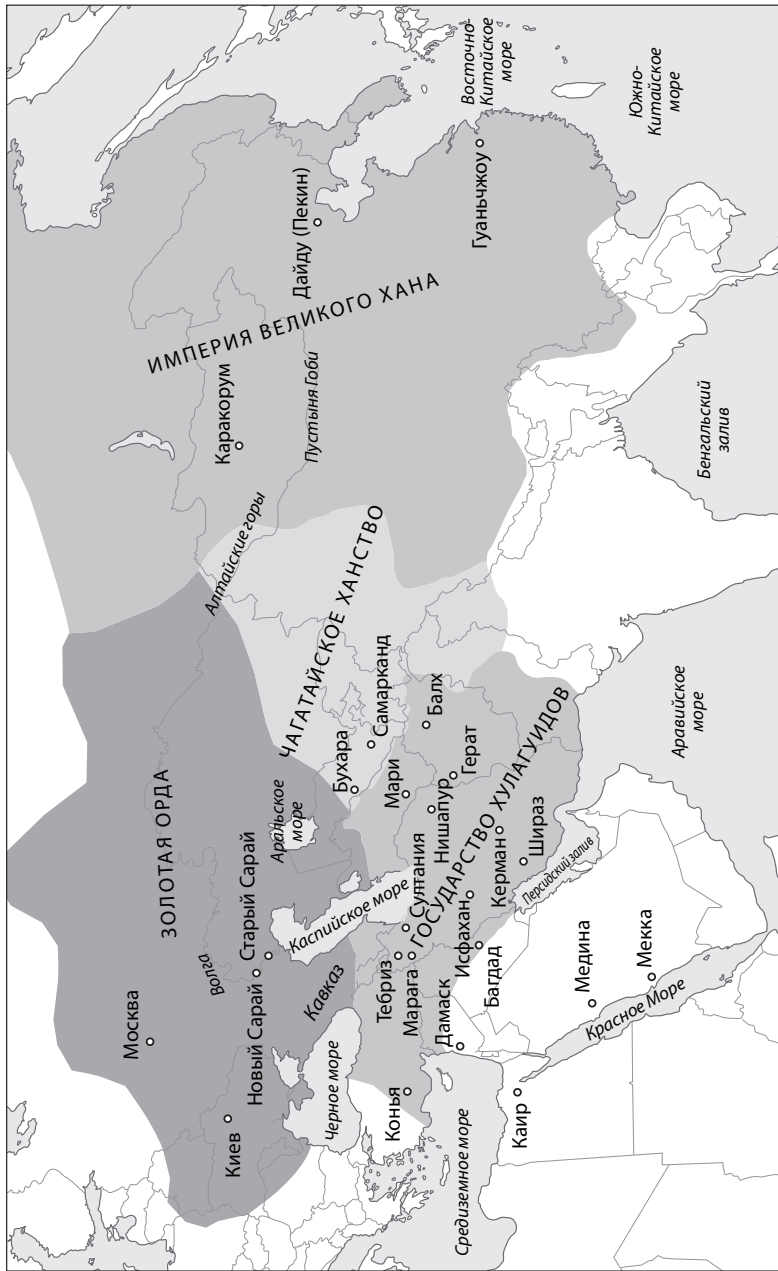
Замечания по транслитерации

Отсутствие стандартизированной системы транслитерации всегда было проблемой монголоведения. Транслитерация имен собственных проводилась с учетом того, что я не владею монгольским и что большинство источников, использованных для представленного здесь исследования, написаны на персидском, а не на монгольском языке. Чтобы облегчить читателю понимание, написание монгольских и турецких имен основано на системе, принятой Дж. А. Бойлом в его книге «Наследники Чингисхана» [Boyle 1971]. Для имен, не встречающихся в этой работе, я использовал систему У. Тэкстона из его «Джами' ат-таварих: сборник исторических хроник» [Thackston 1998]. Однако имеются некоторые исключения, наиболее очевидные в отношении использования имени «Чингиз-хан», которое было заменено на «Чингисхан». Для арабских и персидских терминов я придерживался приведенной ниже таблицы транслитерации, использованной мной для специальных терминов и названий работ в примечаниях и библиографии. При этом, однако, убраны диакритические знаки из всех собственных имен существительных (имен, географических названий и т. д.) и слов, встречающихся в английском словаре. Для тех имен, которые встречаются только в «Тайной истории монголов», я придерживался транслитерации, использованной в издании Игоря де Рахевильца 2004 года [Rachewiltz 2004], за исключением монгольского и турецкого ğ, которое в английском заменялось на ch. Местные названия даны в их нынешней англизированной форме, где это применимо, например, Керман (рус. Керман), Yazd (рус. Йезд) и Khurasan (рус. Хорасан). Аналогичным образом, такие вошедшие в язык обще-

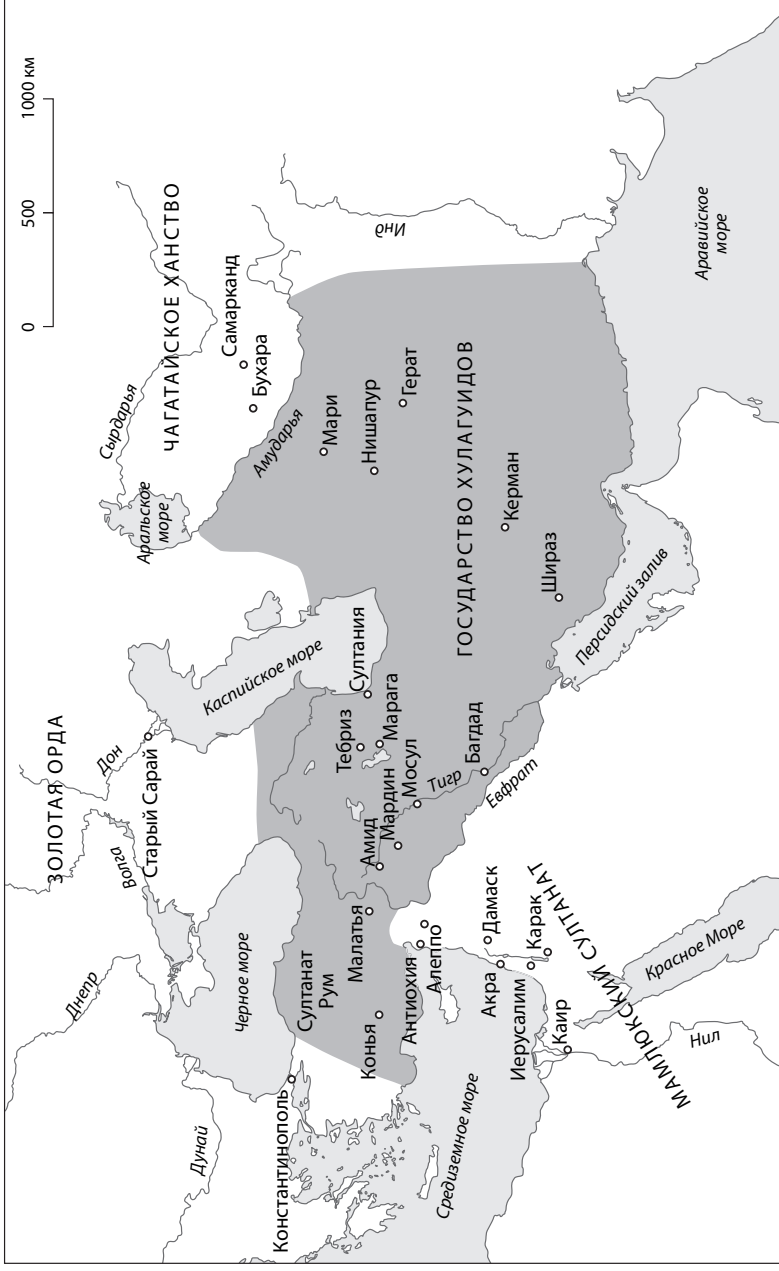
употребительные термины, как «мамлюки», «султан», «хан» и так далее, оставлены в их привычных формах. Даты, как правило, приводятся в христианском летоисчислении, но, где это уместно, им предшествуют даты по мусульманскому календарю (по Хиджре). Между ними ставится тире.

Таблица транслитерации

Персидский	Латиница
ا	ā
ب	b
پ	p
ت	t
ث	th
ج	j
چ	ch
ح	h
خ	kh
د	d
ذ	dh
ر	r
ز	z
ژ	zh
س	s
ش	sh
ص	ṣ
ض	ḍ
ط	t̤
ظ	ẓ
گ	gh
ف	f
ق	q
ک	k
گ	g
ل	l
م	m
ن	n
و	v, w, ū (гласный)
ه	h
ی	y, ī
Гласные	
ا	a
آ	e
او	o

Карта 1. Карта Монгольской империи

Карта 2. Карта Государства Хулагуидов, 1260–1335 гг.

Введение

Исследование роли женщин в Монгольской империи

Медиевистам всех мастей известно, насколько невероятно тяжело проникнуть в образ мыслей и мыслительные процессы мужчин и женщин, живших много веков назад.

[*Hambly 1998: 23*]

Знакомство с хатунами

К 1206 году молодой монгольский князь Темучин, по завершении своих военных предприятий в монгольских степях, был возведен на престол своими соплеменниками и соперниками и с тех пор стал именоваться Чингиз- (Чингис-) ханом. Хотя эта дата знаменует конец кровавого периода в истории Монголии, она одновременно символизирует начало не менее кровавой эпохи в истории Евразии. Монгольские армии, теперь объединенные под началом Чингисхана, на протяжении трех поколений завоевывали все, что лежало на их пути от Желтого моря до Дуная в Центральной Европе и от Сибири до Инда. Однако, когда речь идет об империях кочевников, завоевание не обязательно приводит к территориальному объединению. Сразу же после смерти Чингисхана в 1227 году завоеванные им территории были разделены между его четырьмя сыновьями и их потомками, что привело к дроблению империи на четыре ханства (Китайское, Центральноазиатское, Иранское и Золотую Орду на Руси), кото-

рые вступили в противоборство друг с другом уже спустя несколько лет после смерти первого преемника Чингисхана — хана Угедэя (ум. 1241)¹.

Монгольские армии не просто проходили по землям или же, завоевывая их, покидали покоренные территории, как до них поступали другие кочевые народы, например гунны. Вместо этого они приходили, чтобы остаться, а их женщины и дети следовали сразу за войсками, чтобы присоединиться к ним и обосноваться в тех местах, где смогли добиться успеха военные. Когда эти женщины стали жить в растущей империи, к тем из них, которые принадлежали к высшим сословиям и были замужем за представителем чингизидской династии, стали обращаться с почетным титулом «хатун» (мн. монг. *khawāṭīn*; здесь будет использоваться более распространенное множественное число, *хатуны*), который отражал их более высокий статус и их признанный союз с мужчиной-правителем, в отличие от других женщин при дворе, таких как наложницы². Происхождение самого слова с определенностью не выяснено; возможно, оно пришло из древнетюркского (или, возможно, даже согдийского языка), но широко используется в средневековых персидских и арабских источниках. Оно означает «дама», «госпожа», «знатная женщина» и использовалось для обозначения женщин высшего общества задолго до появления монголов в Центральной Азии в начале XIII века [Frye 1998: 55–68; Nicola 2016: 107–120].

Упомянутое классовое разделение важно для целей настоящего исследования. Ценность и особенности источников, которыми мы располагаем для изучения периода монгольского господства в Евразии, зависят от той информации, которую мы можем получить в них об этих женщинах. С одной стороны, имеющиеся источники, посвященные Монгольской империи, относящиеся в основном к Средневековью, ориентированы преимущественно на мужчин. Это означает, что сведения о женщинах, как правило,

¹ О разделе Монгольской империи см. [Jackson 1978: 186–244; Amitai 1999: 12–38].

² О термине «хатун», *khātūn*, также см. [Encyclopaedia; Doerfer 1967: 132–141].

даются в источниках либо вскользь, либо сами источники не вполне надежны, поскольку деяния женщин зачастую используются для передачи определенного нарратива, так что любая информация, как правило, отличается склонностью к предвзятости и избытком штампов, клише и стереотипов. С другой стороны, когда в источниках упомянуты женщины, это, как правило, особы, принадлежащие к высшим слоям общества: царицы, принцессы или другие выдающиеся представительницы монаршего рода [Hambly 1998: 22]. Иными словами, когда нам удастся найти информацию о женщинах Монгольской империи, она всегда относится к хатунам, то есть к женщинам, принадлежащим к элите, либо женщинам, обладающим определенным влиянием (будь то с религиозной, генеалогической или политической точки зрения). По этой причине, и учитывая тот факт, что исторические хроники уделяют наибольшее внимание жизни при дворе и военным достижениям правителей — как общеимперского, так и локального уровня, — и военному становлению тюрко-монгольских завоевателей, лишь немного места остается для простых людей, если только они не изображаются как жертвы налогового режима или «прохождения армий» [Historiography].

Соответственно, источники грешат дисбалансом в изображении женщин, который трудно преодолеть. Тем не менее, если признать этот факт (по крайней мере, пока новые источники не увидят свет) и сосредоточиться в основном на женщинах, связанных с правящими классами, то Монгольская империя предоставляет хорошую возможность изучить, как жили эти женщины и как они осуществляли свое влияние на империю в Евразии XIII — начала XIV века. Кроме того, исследование женщин в евразийских обществах в целом и в Монгольской империи в частности все еще находится в зачаточном состоянии по сравнению с количеством исследований, посвященных, например, женщинам средневековой Европы или Китая. Таким образом, в настоящей книге предпринята попытка предложить свой взгляд на этих знатных дам, признавая, впрочем, что при этом неизбежно упускается из внимания роль женщин из более широких слоев общества, избежавших исторической фиксации.

Изучение хатун

Несмотря на то что в области гендерных исследований и истории женщин проделана большая работа, используемый здесь методологический подход, хотя и касается обеих этих дисциплин, не ограничивается исключительно указанными рамками. Это обусловлено как спецификой рассматриваемого нами исторического периода, так и характером доступной в источниках информации. Подход, основанный на изучении истории женщин в целом, может быть полезен для настоящего исследования, но в то же время следует избегать предположений о сходстве статуса женщин, например, в ранний исламский период на Среднем Востоке и в Монгольской империи. В исследуемой области представлены важные научные публикации, которые позволили нам обогатить тематику настоящей книги³.

Кроме того, недавние исследования роли женщин в истории позволили сформулировать несколько интересных подходов, которые могут быть полезны для методологии настоящего исследования; это, в частности, изучение мужчин в качестве мужей и сыновей, а не только как угнетателей женщин. Подобный подход совпадает с руководящей идеей моего исследования: изучение хатун вносит вклад не только в историю монгольских женщин, но и в общую историографию Монгольской империи. Большинство теоретических подходов к изучению женщин в истории сосредоточены сегодня на таких практиках, как ношение хиджаба, многоженство, брачный статус и т. д., или на оценке выдающихся женских фигур из семьи пророка Мухаммеда (Хадиджи, Айши или Фатимы). Хотя некоторые из этих подходов могут быть достаточно плодотворными, большей частью их невозможно попросту экстраполировать на Монгольскую империю. Большинство исследований о женщинах в эпоху раннего ислама основывались на текстах правового и духовного характера, которые представляют собой тип описания, отличный

³ См., напр., [Birge 2002: 212–240; Zhao 2004: 3–26; 2008; Zhao, Guisso 2005: 17–46; Dardess 1974: 7–52; Franke 1980: 23–43].

от хроник, используемых в представленной здесь работе⁴. В большинстве случаев теоретические рамки, используемые при изучении роли женщин в истории Среднего Востока, ограничиваются современным периодом, поэтому было бы неуместно применять их к женщинам Монгольской империи не только из-за очевидной временной дистанции, но и из-за особенностей статуса монгольской женщины как члена алтайского кочевого общества. Поэтому было бы методологически неуместно рассматривать хатун исключительно с точки зрения гендерных исследований.

Выбранный для настоящего исследования метод основан на культурной/интеллектуальной истории, дополненной текстуальным, социально-историческим и контекстуальным анализом первоисточников. Наше понятие культуры отличается широтой и включает в себя не только интеллектуальные продукты конкретно взятого общества, но и политическую, религиозную и художественную деятельность женщин под монгольским владычеством [Chartier 1988: 47]. История культуры возродилась после критических выступлений в 1970-х годах, в рамках направления, именуемого Новой культурной историей, в которых подчеркивалась, в частности, значимость индивида в контексте общества, конструирование идентичности, представление гендера и идеологическое обоснование политических институтов [Burke 2004: 74–88]. Несмотря на то что многие из этих теоретических концепций к настоящему времени подверглись немалой критике, они вполне применимы к историческим исследованиям, и современные историки культуры используют их в большинстве своих аналитических работ⁵. Хотя Питер Берк предположил, что влияние Новой культурной истории во многих областях подходит к концу [Там же: 125], Монгольская империя — это такая предметная область, в которой изучение культурной или интеллектуальной истории только начинается [Morgan 2015: 271–282]. Большинство областей

⁴ Напр., [Abbott 1942: 106–126].

⁵ В качестве примера этих концепций можно привести «историю высокой культуры», «культурную историю политики», «культурную историю насилия и эмоций» и «контакты между культурами»; см. [Burke 2004: 100–125].

знания, в рамках которых культурная история расширила понимание прошлого, — а это такие сферы, как экономическая история, политическая история, интеллектуальная история и социальная история — не были исследованы в полной мере в отношении истории монголов [Burke 2004: 128–129].

Также важно осознавать присущую источникам предвзятость в пользу мужчин и признавать необходимость исчерпывающего сравнения исходного материала, дабы минимизировать воздействие субъективности. Подобные проблемы подчеркивали такие исследователи, как Фатима Мерниси, Рифаат Хасан и Барбара Стовассер, которые работали в основном с хадисами и коранической литературой⁶. При обращении к средневековым источникам крайне нелегко избежать определенной мужской предвзятости, поскольку о женщинах обычно говорится в терминах, характеризующих их отношения с мужчинами: они «жены», «дочери» и тому подобное. Поэтому источники, как правило, больше говорят нам о том, как женщины воспринимались с точки зрения мужчин, нежели о самих женщинах как таковых [Cortese, Calderini 2006: 1]. Чтобы решить эту проблему, необходимо изучить все доступные источники и очень тщательно проанализировать тот политический, экономический и социальный контекст, в котором писали их авторы. Кроме того, комплексная интерпретация данных, полученных из различных типов текстов, таких как хроники, жизнеописания и повествования о путешествиях, позволяет нам выделить и представить модели социального восприятия женщин в разные периоды и в разных географических местах. Такая схема должна быть дополнена текстуальным анализом источников, чтобы уточнить, кому был адресован каждый текст, и учесть возможные мотивы автора. Кроме того, каждый полученный материал должен быть рассмотрен в своем собственном отдельном социально-историческом контексте. Как писал Джон Тош,

один из самых продуктивных способов постичь прошлое заключается в том, чтобы сосредоточиться на конкретном источнике и восстановить то, как он появился, используя

⁶ См., напр., [Mernissi 1993; Stowasser 1994; Cortese, Calderini 2006: 3].

все доступные средства — текстовый анализ, соответствующие документы из того же источника, современные комментарии и так далее [Tosh 2006: 100].

Благодаря текстуальному анализу и в рамках истории культуры мы надеемся лучше понять менталитет монгольских женщин. Эта область исследуется совсем недавно, поэтому необходимо иметь в виду важные методологические и документальные ограничения. Тем не менее особенности Монгольской империи и относительное обилие источников по данному периоду действительно формируют хорошую основу для изучения роли хатун в евразийских и средневосточных владениях этой державы. На протяжении всей этой книги будут рассматриваться такие историографические характеристики источников, как контекст, в котором создавался тот или иной документ, мотивация к созданию того или иного текста и конкретные обстоятельства жизни определенного автора. Особое внимание в этой связи следует уделить корпусу персидских материалов, которые составляют бóльшую часть анализируемых здесь источников. Кроме того, хотя основной целью настоящей работы не является составление историографического обзора этого периода, характеристики конкретного текста и содержащиеся в нем предубеждения будут учитываться при интерпретации того или иного события или сообщения.

Изучение женщин в Монгольской империи: обзор литературы

В то время как исследования по истории женщин на Среднем Востоке проводятся с 1940-х годов, работы на эту тему, когда речь идет о монголоведении, — относительно новое явление [Abbott 1942: 106–126; 1985; Fernea 1977; Keddie 1978; Morsy 1989; Fahmi 1990; Ahmed 1992; Roded 1999; Nashat, Beck 2003; Rapoport 2005; Cortese, Calderini 2006].

Роль женщины в средневековом евразийском обществе, несмотря на появление недавно некоторых исследований в этой

сфере, практически не изучалась. Историки первой половины двадцатого века, хотя и были, по мнению их современных коллег, «старомодными» в своем подходе, открыли новые области исследований. Так было с Дугласом М. Данлопом, который в 1944 году опубликовал статью, посвященную племени кераитов, его связям с восточным христианством и историей о Пресвитере Иоанне [Dunlop 1944: 276–289]. Пытаясь проследить историю этого кочевого племени, Данлоп в своих исследованиях смог выявить некоторых из самых влиятельных женщин Монгольской империи. Вторая часть его статьи была посвящена идентификации этих женщин и некоторым наблюдениям. Данлоп смог выделить в источниках семь женщин, пять из которых принадлежали к племени кераитов. Однако, поскольку статья не была в первую очередь посвящена роли женщин, она оказалась полезна лишь в качестве первого шага⁷.

Работа Данлопа была продолжена и расширена в 1970-х годах, когда были опубликованы две статьи, посвященные исключительно монгольским женщинам, одна на английском (Моррис Россابي) и одна на французском (Поль Ратчневский) языках [Ratchnevsky 1976; Rossabi 1979]. Статья Россابي вскоре стала самым важным исследованием о роли женщин в Монгольской империи, и с тех пор она цитируется почти в каждой публикации по истории монголов. Обе статьи внесли одинаково важный вклад в эту область и пролили свет на некоторые важные аспекты роли женщин в монгольском обществе. В них признается фундаментальная роль, которую играли женщины в империи, и оба автора согласны в толковании причины такого значимого положения женщин в обществе: сотрудничество полов было необходимо для выживания в «натуральном кочевом скотоводческом хозяйстве» [Rossabi 1994; Ratchnevsky 1976]. Сосредоточившись конкретно на женских ролях, авторы этих двух статей

⁷ Среди упомянутых им Бортэ, Сорхатани-беки, Абика (Ибака)-хатун, еще одна безымянная хатун, Докуз-хатун, Эрьюг-хатун и жена кераитского князя Иринджин (также дочь Тегудера), которая восстала против ильхана Абу Саида в XIV веке. Только первая и последняя из этих хатунов не принадлежали к племени кераитов.

пошли дальше Данлопа. С одной стороны, Рачневский в своей статье следует тематической структуре, основанной на анализе роли монгольских женщин в экономике домохозяйства, в браке, в религиозной и политической жизни. Россابي, с другой стороны, основывает свое исследование на хронологическом описании хатунов. Оба исследователя пользовались схожими материалами, за исключением того, что Россابي более широко прибегал к китайским источникам. Однако персидские материалы использовались здесь немного, поскольку упоминаются только основные хроники, написанные Рашид ад-Дином и Джувайни, а большинство письменных свидетельств, оставленных плодовитыми ильханидскими историками, игнорируются полностью.

Первая попытка провести исследование положения и роли женщин в Иране при монголах была предпринята Ширин Байани [Bayani 1974]. Начальная часть этой новаторской работы посвящена женщинам в Иране домонгольского периода, затем следует глава, посвященная браку и организации семьи. Третья часть посвящена анализу различных женских институтов с целью изучения места монгольских женщин, принадлежащих к высшему классу, в иранском обществе. Последняя глава содержит краткие биографии наиболее значительных хатунов того периода, таких как Сорхатани-беки и Дорегене-хатун. Хотя эта работа является хорошим введением в тему, в ней использовано ограниченное количество нового материала из иранских региональных хроник. Энн К. С. Лэмбтон, с другой стороны, предлагает более глубокое исследование положения женщин в Монгольской империи, сосредоточившись только на иранских и персоязычных территориях (так считает и Хэмбли [Hambly 1998]). В одной из глав своей книги, посвященной истории Персии при сельджуках и монголах, Лэмбтон описывает роль женщин в политике, обществе и религии в средневековом Иране [Lambton 1988: 258–296]. Наиболее ценным элементом ее работы является обширная идентификация хатунов правящих семей Персии с XI по XIV век. Помимо некоторых отсылок к социальной роли женщин при этих двух династиях, использование Лэмбтон источников и признание ею преемственности социальных моделей

в средневековом персидском обществе делает эту книгу одним из основных вторичных источников, использованных при подготовке настоящего исследования. В своей схожей по стилю книге Бахрие Учок приводит биографические сведения о некоторых тюркских женщинах, живших в Иране под монгольским владычеством [Üçok 1983]. Несмотря на то что в работе Учок рассказывается в основном только о жизни этих женщин, это исследование можно рассматривать как еще одно свидетельство того, что исследователи осознают роль, которую играли эти ха-туны во времена Средневековья.

В течение десятилетия после выхода книги Лэмбтон в монго-ловедении утвердилась устоявшаяся картина положения женщин в Иране под монгольским владычеством⁸. Как бы то ни было, исследования женщин в монгольском Китае продолжились в конце 1980-х — начале 1990-х годов благодаря работе Дженни-фер Холмгрен о брачных практиках династии Юань [Holmgren 1986, 1987, 1991]. Ее наблюдения относительно системы левирата и детальное изучение обмена между ханьским населением и степ-ными завоевателями открыли новую перспективу для изучения роли женщин в Монгольской империи в Китае. Далее, в 2002 го-ду, последовала работа Беттины Бирге [Birge 2003]. Только в 1998 году, когда Гэвин Хэмбли выпустил книгу о женщинах в исламском мире, интерес к изучению роли женщин среди ис-ториков исламского Средневековья в научной среде восстано-вился [Hambly 1998: 3–27]. Во введении справедливо указано на обширный материал, имеющийся в этой области исследования, и на благоприятные возможности для дальнейшего изучения, которые открываются в этой тематике⁹. Практически одновре-менно вышла в свет статья Джеймса Д. Райана, анализирующая отношения между Папой Римским и женщинами Монгольского

⁸ Исключение составляют замечания Фатимы Мерниси о некоторых женщи-нах в Монгольской империи, в основном основанные на вторичной библио-графии и арабских хрониках [Mernissi 1993].

⁹ Например: «Помимо женщин-суфиев, изучению женщин в качестве наставниц и передатчиц знаний также не уделялось должного внимания» [Hambly 1998: 8].

двора в Иране, которая немного проливает свет на роль женщин в период дипломатических контактов между монголами и Европой во второй половине XIII века [Ryan 1998].

Всего через год после того, как Хэмбли была подчеркнута важность изучения женщин средневекового Ирана для истории этого периода, Чарльз Мелвилл опубликовал краткую, но превосходную работу о последних годах Государства Хулагуидов [Melville 1999]. Хотя в намерения Мелвилла не входило специально исследовать роль женщин в Иране, он обнаружил, что во время правления Абу Саида (ум. 1335) их активность была неизменно высокой [Там же: 14–16]. Хотя в другом месте я уже предлагал выделить различия «в форме» влияния женщин в политических делах до и после середины XIII века [Nicola 2006–2007], важно подчеркнуть непрерывность политического влияния женщин в государстве со времен Чингисхана до конца монгольского правления в Иране.

В 2003 году на конференции, проходившей в Торонто, Джордж Чжао представил доклад о матримониальных связях между китайской династией Юань и корейской династией Корё [Zhao 2004: 3–26]. Там впервые в некоторой части была оспорена аргументация, изложенная в упомянутых выше статьях 1970-х годов, где Россابي, в частности, утверждает, что дочери Хубилая не были столь влиятельны, как его мать и жена [Rossabi 1979: 172]. Это в некоторой степени оправдывает то, что Россابي не упомянул о ханских отпрысках женского пола в своей статье 1979 года. Однако Чжао оспорил этот довод, обратившись к официальной истории корейской династии, где упоминается влияние монгольских женщин [Zhao 2004: 20]. Этот факт, а также новый подход к «Корёсе»¹⁰, хорошо известному для историков Кореи источнику, убедительно показывает, в каком направлении могут быть предприняты дальнейшие исследования в области изучения роли женщин при монгольском правлении.

Наконец, в 2006 году Джордж Лейн посвятил женщинам целую главу в своей книге «Повседневная жизнь в Монгольской импе-

¹⁰ «Истории Корё», официальная история династии Корё.

рии» (*Daily Life in the Mongol Empire*) [Lane 2006: 227–256]. Эта работа служит замечательным введением в проблематику роли женщин; автор постоянно ссылается на первоисточники. Она имеет скорее описательный, нежели аналитический характер, но ее заслуженно можно считать первой работой со времен Лэмбтон, где целая глава посвящена женщинам, что свидетельствует о том, что в монголоведении наметилась тенденция перехода к исследованиям в рамках культурной истории, как это предсказывал Дэвид Морган [Morgan 2015: 271–282].

Ряд исследований, предшествовавших этой книге, имеют огромное значение как первые исследования, посвященные более комплексному анализу роли женщин в Монгольской империи. Прежде всего, это новаторская работа Карин Кваде-Ройттер, которая в 2003 году представила свое докторское исследование о женщинах в Иране в монгольский и тимуридский периоды. К сожалению, эта диссертация так и не была оформлена в виде монографии, что ограничивает ее доступность как для исследователей, так и для широкой публики. Эта работа не только представляет собой весомый вклад в изучение политического влияния женщин в средневековом Иране, но и отличается широким использованием оригинальных персидских источников. Сфера исследования ограничена исключительно Ираном, поэтому в нем не затрагиваются общие вопросы о роли женщин в Монгольской империи в целом. Кроме того, в ее исследовании рассматривается роль нечингизидских монарших женщин из таких регионов, как Керман и Фарс, а также предпринимается попытка изучения периода тимуридов, где, несмотря на относительную скудность источников, было выявлено большое количество влиятельных женщин. В целом благодаря тщательному анализу источников и четкому хронологическому изложению результатов, проведенному Кваде-Ройттер, эта работа подготовила почву для всех желающих поработать над изучением женщин в Государстве Хулагуидов.

Во-вторых, совсем недавно (в 2007 году) в Турции была представлена еще одна диссертация за авторством Нильгюн Далькесен, которая проанализировала гендерные роли в коче-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru